

Но душа, скрытая в раковине, не выбрала ни один из этих вариантов, упорно ожидая тело, которое полностью соответствовало бы её желаниям. Лин Ань был выбран.

Поскольку душа отвергала любые вмешательства технологий, каждый день он проходил тренировки, подобные аскетическим. Он бегал с грузом по скалистым горам, ползал по земле, после изнурительных упражнений изучал навыки выживания и другие необходимые умения. Одним словом, тело, выбранное для души, должно было быть в идеальном состоянии. Но, помимо этого, это было больше похоже на наказание, наказание для того, кто владел этим телом до того, как в него была вложена душа. И Лин Ань совершенно не понимал причин этого наказания.

Однажды, в эпоху, когда технологии достигли невероятных высот, хозяин дворца Еду, поверив в старые суеверия, вызвал с окраинных планет группу обедневших мастеров инь-ян. Потрясённые мастера отнеслись к этому с предельной серьёзностью, чтобы определить наиболее благоприятный момент для вложения души.

Ирония в том, что этот так называемый благоприятный момент стал жестоким переломом, который должен был уничтожить всё достоинство Лин Аня. В стерильной комнате он лежал на древнем алтаре, полностью беспомощный, наблюдая, как Шан Нань извлекает душу из раковины. Его осторожные и бережные движения заставили всех присутствующих затаить дыхание.

Его череп был вскрыт, и он мог ясно чувствовать каждое движение тех, кто был одет в белые одежды. Хотя вероятность смерти души в процессе вложения была крайне низка, даже один шанс из десяти тысяч был недопустим для Шан Наня, поэтому никаких анестетиков не использовалось.

Лин Ань покрылся мелким потом. Он знал, что с этого момента, когда он почувствовал острую и ясную боль, это тело больше не будет принадлежать ему. Он был лишь сосудом, поддерживающим жизненные функции, пока душа не вырастет. И в этом процессе его собственная душа будет постепенно поглощаться, что принесёт боль, более долгую и мучительную, чем тысяча порезов. А затем — настоящая смерть, исчезновение навсегда.

Осознав это, Лин Ань горько усмехнулся, дрожащими руками попытался встать, но в следующую секунду его тело оказалось в крепких объятиях.

Хотя это был сплав, он был... тёплым.

Губы Шан Наня коснулись его уха, и, сопровождаемые тёплым дыханием, тихие слова проникли прямо в сердце:

— Я ждал тебя, Чжу И. Всегда ждал.

Когда Шан Нань произнёс эти слова, в его глазах вспыхнул необычайно мягкий свет. Лин Ань заглянул в эти глаза, которые обычно были спокойными и глубокими, как омут, но теперь, из-за радости их хозяина, в них появились лёгкие волны, словно мерцание звёзд. Они были прекрасны и обладали сильной притягательной силой, словно хватали его и не отпускали.

На мгновение Лин Ань почувствовал замешательство. Эти нежные слова, казалось, были обращены к нему, он был очарован, соблазнён, сладостью и ароматом. Но его уши ясно слышали, что имя, которое произносили, было — Чжу И.

Чжу И, будущий хозяин этого тела. Его душа уже вибрировала в сознании, отвечая на это

признание, длившееся тысячу лет.

Постоянный гул и мучительное головокружение терзали Лин Аня. Его губы, сжатые от боли, слегка кровоточили. Перед ним было лицо, полное заботы, но это выражение никогда не предназначалось ему.

— Не кусай... — Мгновенная жалость в глазах Шан Наня исчезла так же быстро, как и появилась. Он поднял руку, чтобы вытереть кровь с губ Лин Аня, но затем опустил её, с выражением растерянности и смятения на лице. Это было неудивительно. Он хотел быть ближе к Чжу И, заботился только о Чжу И, а сейчас это тело ещё не было под контролем его возлюбленного.

Но змей перед ним выглядел так беспомощно, что это вызывало жалость. Его некогда ясные глаза теперь были затуманены, полны растерянности. Он не осознавал своих прошлых грехов, словно был самым невинным из всех.

Это выражение вызвало у Шан Наня отвращение. Он мельком взглянул на кривую, отображаемую на экране прибора. После краткого ответа Чжу И его присутствие ослабло. Таким образом, этот паразит не представлял никакой ценности.

Он повернулся и вышел из стерильной комнаты, а тот, кто с головы до ног излучал глупость, всё ещё стоял на месте.

— Ты хочешь остаться с ними? — раздражённо спросил он, левая рука превратилась в жидкое состояние и притянула его к себе.

Испуганный внезапным движением, Лин Ань едва не упал, когда за ним закрылась дверь. Крик персонала, участвовавшего в процессе вложения души, опоздал. Звук не смог пробиться сквозь герметичную комнату, лишь бесполезно отражался от стен.

Лин Ань ещё не понял, что происходит, и, подняв голову, смотрел с недоумением.

Видя такую реакцию змея, Шан Нань вдруг улыбнулся, лёгкая улыбка, но с оттенком озорства. Хитрый змей, притворившийся невинным, пытается снова обмануть людей. Как он отреагирует на то, что увидит?

Из любопытства он сделал дверь полупрозрачной. Лин Ань, которого резко толкнули вперёд, едва устоял на ногах и инстинктивно вскрикнул. Но, когда он обрёл равновесие, то увидел, что стерильная комната, в которой он только что был, теперь была заполнена чем-то, явно ядовитым. В разноцветном тумане люди, которые были врачами или мастерами, корчились, кричали, но звука не было.

— Наслаждайся зрелищем.

Слова Шан Наня, словно лист, упавший на поверхность воды, вызвали лёгкие волны, которые постепенно усиливались, превращаясь в огромные валы.

Лин Ань почувствовал, как эти волны бьют ему в грудь, вызывая острую боль. Он изо всех сил пытался выплыть, но берег был слишком далеко. Волны поднимали его и поглощали, и в этой бесконечной попытке он чувствовал себя измотанным, хотел вырвать, извергнуть всю желчь. Но, если он переставал плыть, тело тонуло, и все надежды на жизнь исчезали.

Сдаться, не видеть, не слышать, не думать — это сделало бы его жизнь легче. Но руки,

покрытые кровью, которые цеплялись за прозрачные стены, словно предсказывали его будущее. Они разрывали его сердце, потому что яд проникал в их тела, и из всех мест, где можно было выдавить жидкость, вытекали вязкие, отвратительные потоки, пока тела не опустошались.

Слишком ужасающая картина. Лин Ань, подгоняемый каким-то внутренним голосом, бегал взад-вперёд, в ярости, пытаясь найти кнопку на стенах. Но ничего, гладкая поверхность, ничего. Он бил по двери, и люди внутри тоже из последних сил били по ней.

Вход был закрыт, Лин Ань оказался в темноте, единственный свет исходил от лампы в стерильной комнате. Две двери: одна заперла тех, кто видел нежную сторону Шан Наня, другая — Лин Аня. Он знал, что если бы им нужно было его казнить, то был бы более быстрый способ. Но это был спектакль, представление. Наслаждайся зрелищем, — улыбался постановщик.

Занавес опустился. Лин Ань в изнеможении опустился на пол, глаза смотрели вперёд, но не могли сфокусироваться. Как червь, низшее существо, чья смерть была так уродлива.

Кто будет плакать о смерти муравья? Тсс, держи это в себе, даже если есть капля жалости, никогда не показывай её. Никто не поймёт, никто не похвалит твою доброту, даже муравей не оценит — лицемерная жалость тех, кто на вершине пищевой цепи, лишив жизни, пытается успокоить свою совесть?

Кто может поклясться, что он абсолютно чист? Кто может поднять руку к небу и заверить, что никогда не причинил вреда ни одной жизни? Прикоснись к своему сердцу, и если есть хоть капля лжи, раздави его, как раздавливаешь муравья. Это ощущение немного твёрже, чем обожжённые волосы, голова отделяется от тела — это так просто.

<http://bllate.org/book/16302/1470160>